

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: события, оценки, прогнозы

Выпуск 46(62)
2017

СОДЕРЖАНИЕ

**Э. МАКРОН И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ:
МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ**
Владимир Чернега

**ЗРЕЮТ «ГРОЗДЬЯ ГНЕВА»:
ВСПЛЕСК ПРАВОГО ПОПУЛИЗМА В ЕВРОПЕ
И КРИЗИС ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ**
Андрей Белинский

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЗАПАДА И ИРАНА:
НА ПУТИ К НОВОМУ СТРАТЕГИЧЕСКОМУ
ПРОТИВОСТОЯНИЮ?**
Филипп Трунов

ОПЕК+ И МИРОВОЙ РЫНОК НЕФТИ
Михаил Субботин

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИИОН РАН)

Э. МАКРОН И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Владимир Чернега,
ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН,
Чрезвычайный и Полномочный Посланник

Ключевые слова: внешняя политика Франции, Э. Макрон, «державная» роль Франции, европейская интеграция, макрономания, ЕС, НАТО, экономический кризис, война санкций, сирийский кризис, еврозона.

Первые шаги нового президента Франции Э. Макрона на внешнеполитической арене, как показывают опросы общественного мнения, получили одобрение большинства французов. Ведущие СМИ страны акцентируют внимание на том, что он, будучи новичком в политике вообще и во внешней политике в частности, «достойно держался» на встречах с Д. Трампом и В. Путиным. Частые контакты Э. Макрона с А. Меркель вызывают оптимизм у тех политиков и экспертов, которые рассматривают усиление франко-германской оси в качестве одного из главных условий преодоления нынешних трудностей Европейским союзом. Конечно, наряду с этим восторженным хором, раздаются и голоса скептиков. Они считают подобные восхваления продолжением «макрономании», инициированной СМИ, особенно ведущими телевизионными каналами, в ходе прошедшей президентской избирательной кампании. Но эти голоса пока не очень слышны.

В действительности, Э. Макрону предстоит решить в области внешней политики чрезвычайно сложную задачу, а именно: найти новое равновесие между традиционной «державной» ролью Франции и ее все большей вовлеченностью в процесс европейской интеграции, являющейся «продвинутым вариантом» неолиберальной глобализации. Нынешний президент, сформировавшийся в Финансовой инспекции и Банке Ротшильда, никогда не скрывал, что не видит будущего Франции вне этого процесса. За последние три десятилетия, подчеркивал он в своей книге «Революция», вышедшей в 2016 г., Франция, как экономическая величина, «образно говоря, съежилась в результате появления

новых экономических и торговых держав». Сегодня она может вести успешную торговую политику в условиях конкуренции с США и Китаем лишь в рамках Европейского союза. Вместе с тем только ЕС обеспечивает достаточное пространство для того, чтобы Франция, как и другие государства-члены, могла полноценно участвовать в очередной технологической революции, основанной на применении цифровых технологий¹.

Э. Макрон считает также, что ЕС может и должна справиться с «издергками» интеграции и глобализации, выражаящимися, прежде всего, в росте социального неравенства и бедности, но также в обострении миграционной проблемы, которая является «естественной частью» объективного глобализационного процесса. Но для этого ЕС необходимо реформировать, наделив его новыми полномочиями. Речь идет, с одной стороны, о формировании общего бюджета стран «еврозоны» и учреждении поста министра финансов ЕС, с другой – о включении в компетенцию его органов социальных вопросов и расширении сотрудничества в области безопасности, особенно в том, что касается охраны внешних границ. Более того, в контексте нынешней непредсказуемости внешней политики США и ослабления их интереса к НАТО Европейский союз должен налаживать взаимодействие в оборонной сфере². Эти установки Э. Макрон подтвердил и после избрания главой государства, в том числе на заседании Европейского совета на высшем уровне 22–23 июня 2017 г. в Брюсселе³.

Таким образом, для решения нынешних проблем ЕС, а вместе с ним и Франции, согласно Э. Макрону, нужно «больше Европы», причем для всех без исключения государств-членов. В одном из своих последних интервью ряду крупнейших европейских СМИ Э. Макрон, реагируя на недовольство миграционной проблемой в ЕС со стороны большинства восточноевропейских стран, жестко

¹ Macron E. Révolution. – Paris, Editions XO, 2016, p. 216.

² Ibid., p. 217.

³ См. например: Le Figaro, 23.06.2017.

заявил, что Европейский союз – «не супермаркет, а общая судьба». По его словам, эти страны ведут циничную политику в отношении ЕС, который, с их точки зрения, «должен только выдавать кредиты, не заботясь о продвижении ценностей». Французский президент даже употребил термин «предательство»¹. В какой-то мере эта жесткая позиция по дисциплине внутри ЕС ставит под сомнение идею «двухскоростной Европы», которая была озвучена в качестве ответа на нынешний кризис Евросоюза главами Франции (тогда это был Ф. Олланд), Германии, Италии и Испании в марте 2017 г. на праздновании 60-летия Римского договора в итальянской столице. Иначе говоря, Э. Макрон проявляет себя даже более последовательным «европеистом», чем его предшественник.

Проблема, однако, в том, что в самой Франции эта его позиция, мягко говоря, разделяется далеко не всеми. Перед первым туром президентских выборов, на которых впервые за долгое время вопросы международной политики вошли в число обсуждаемых приоритетных тем, восемь кандидатов из 11 требовали пересмотра внешнеполитического курса Франции в отношении ЕС (а также США и НАТО). Разброс требований был велик: от выхода страны из объединения и возвращения национальной валюты – франка, до пересмотра соглашений о членстве в ЕС для того, чтобы обеспечить Франции значительно большую самостоятельность. (Примерно такая же картина наблюдалась в отношении НАТО – предложения варьировались от полного отказа от членства до выхода из объединенного командования Альянса). Стоит напомнить, что эти кандидаты получили в первом туре почти 50% голосов по сравнению с 30,37%, набранных Э. Макроном и официальным кандидатом от социалистической партии Б. Амоном, которые выступали с безусловно «европеистских» позиций. Между ними оказался официальный кандидат от партии Республиканцев Ф. Фийон, который также отмечал объективный характер европейской интеграции и глобализации, но при этом выступал за более независимую внешнюю политику Франции. Он собрал 20,01% голосов². Даже если учесть, что не все избиратели руководствовались в своем выборе прежде всего внешнеполитическими установками кандидатов, раскол французского общества в этом отношении очевиден.

В основе позиции кандидатов-«патриотов» лежала их убежденность в том, что Франция не сможет решить свои нынешние проблемы (до конца не преодоленный экономический кризис, массовая безработица, рост бедности, наплыв мигрантов, ощущение уязвимости и отсутствия безопасности,

связанное с исламским терроризмом), пока она ограничена жесткими международными обязательствами, в частности в рамках ЕС. Соответственно, она должна возвратить себе статус великой державы, проводящей самостоятельный внешнеполитический курс без оглядки на Брюссель или Вашингтон. Франция, как подчеркивали эти кандидаты, располагает весомыми «козырями» для «державной» политики. Она является ядерной державой, постоянным членом Совета Безопасности, у нее есть «заморские территории» и сеть зарубежных военных баз, расположенных в стратегически важных точках мира, например, в Джибути или Объединенных Арабских Эмиратах. Она сохраняет значительное экономическое, культурное, военное и политическое присутствие в ряде своих бывших колоний, прежде всего в Африке.

Следует особо отметить, что упомянутые кандидаты, а также Ф. Фийон считали нужным развивать отношения с Россией. Они указывали, что без взаимодействия с ней невозможно обеспечить стабильную безопасность на европейском континенте, в том числе, в качестве необходимого условия, разрешить кризис на Украине. Без ее участия трудно рассчитывать на победу в борьбе с международным исламским терроризмом, в частности в Сирии. В более общем плане Россия рассматривалась ими как фактор равновесия в Европе в связи с усилением после Brexit угрозы германского гегемонизма. Упоминался и экономический фактор, особенно, необходимость продвигаться к прекращению «войны санкций», которая сильно ударила по ряду отраслей французской экономики, в первую очередь по сельскому хозяйству³.

Закономерно, что сторонники «державности» в той или иной мере ссылались на идеи и политику генерала Ш. де Голля. Он, как известно, руководствовался в своей политике идеей примата национального государства по отношению к любым международным структурам, а также к идеологиям, которые считал большей частью формой маскировки национальных интересов. Генерал сочетал почти мистическое представление о «величии» своей страны («Франция без величия перестает быть Францией»⁴) с реализмом и pragmatismом, особенно во внешней сфере. Именно он пошел на историческое примирение с историческим противником – Германией – с целью создания франко-германской оси в качестве «мотора» тогдашнего ЕЭС и одновременно фактора ослабления влияния со стороны США на германскую политику. Считая Великобританию «трясянским конем» Вашингтона, он дважды блокировал ее вступление в ЕЭС. При этом он видел ЕС

³ См. например: 114 propositions de Marine Le Pen. – <https://marine2017.fr/>; Fillon F. Fira.-Paris, Editions Albin Michel, 2016, p. 246–247.

⁴ Голль Ш. де. Военные мемуары. – М., т. 1, 1957. С. 29.

¹ Le Temps, 22.06.2017.

² www.conseil.constitutionnel/francais/elections/fr

исключительно объединением суверенных государств, тесно увязывающих свою экономическую политику, но не более того.

Стоит напомнить также, что когда США отказали Франции в создании «триумвирата» (с участием Великобритании) для управления НАТО, Ш. де Голль в 1966 г. закрыл все американские базы на территории страны, вывел ее из объединенного военного командования Альянса и выдворил из Парижа его штаб-квартиру. Вместе с тем Франция осталась в политических структурах НАТО, сохранив статус формального союзника США.

Воспитанный в правоконсервативной католической среде, генерал был принципиальным противником коммунизма. Однако это не помешало ему установить и поддерживать «привилегированные» отношения с Советским Союзом, которые он подкреплял лозунгом «Европа от Бреста до Урала». Эти отношения он также считал необходимым противовесом влиянию США и условием проведения Францией политики мировой державы.

Однако, в постдеголлевский период президенты Франции чем дальше, тем больше оказывались в тисках противоречия. С одной стороны, они, как и большинство французов, продолжали считать свою страну великой державой, призванной участвовать в мировых делах (хотя президент В. Жискар д'Эстен отказался от термина «величие», заменив его словом «влияние»). С другой стороны, Франция все глубже вовлекалась в процесс европейской интеграции и сотрудничество в рамках НАТО, что по определению ограничивало ее самостоятельность. Сближение с Альянсом диктовалось, помимо прочего, стремлением сэкономить на военных расходах. Военный бюджет Франции позволял поддерживать на определенном уровне ракетно-ядерный потенциал, но был недостаточен для развития логистики, необходимой для удаленных операций, особенно военно-транспортной авиации, а также современных технических, в том числе космических, средств разведки. В данном отношении Франция все больше зависела от Альянса, т.е. на практике от США. В этом состояла одна из причин того, что 2009 г. президент Н. Саркози возвратил Францию в объединенное военное командование НАТО. Одновременно он извинился перед США за противодействие со стороны Франции (при Ж. Шираке) американской интервенции в Ираке в 2003 г., которое было очевидным «всплеском державности». Вместе с тем Н. Саркози оставил французские ядерные силы под исключительным национальным суверенитетом и именно при нем была открыта упомянутая выше военная база в ОАЕ.

Важным элементом этой противоречивой стратегии было поддержание определенного уровня сотрудничества с Россией, позволяющего говорить о некоем балансе. Достаточно вспомнить, что

при Н. Саркози, в 2011 г., несмотря на «отзвуки» российско-грузинского конфликта 2008 г., был подписан контракт на поставку РФ военных кораблей «Мистраль», вызвавший сильнейшее недовольствие США и ряда других союзников Франции по НАТО.

Однако при Ф. Олланде поддержание этого хрупкого баланса начало сходить на нет. Франция еще активнее продвигалась по пути европейской интеграции, тесного сотрудничества с НАТО и равнения на США. Одновременно произошло охлаждение отношений с Россией, объясняемое неприятием Парижем российской позиции в конфликтах на Украине, а также в Сирии. Была заблокирована передача России «Мистралей», которые затем с большим убытком для Франции были проданы Египту. В сирийском вопросе дело дошло до обвинений России в совершении «военных преступлений», в частности в Алеппо. По сути, единственным форматом для встреч руководителей двух стран осталась «нормандская четверка», созданная для урегулирования конфликта на Юго-Востоке Украины.

Нужно отдать должное Э. Макрону, который спустя три недели после своего избрания счел необходимым пригласить В. Путина во Францию для обсуждения этих проблем и тем самым исправить ошибку Ф. Олланда, фактически сорвавшего визит российского президента в Париж в октябре 2016 г. Конечно, в какой-то мере это приглашение, тем более в такое символическое место как Версаль – памятник французского «величия», объяснялось электоральными соображениями. Встреча состоялась накануне парламентских выборов и, очевидно, должна была подать положительный сигнал патриотически настроенным избирателям. Кроме того, она должна была подтвердить статус Э. Макрона как руководителя государства, способного «тврдо», на равных вести диалог с признанными мировыми лидерами.

Вместе с тем этот контакт с В. Путиным стал первым практическим проявлением pragmatизма Э. Макрона, который отмечают лица из его окружения. Начав диалог с Россией, которую он в упоминавшейся выше книге «Революция» называет «европейской страной», с которой нужно устанавливать долгосрочные отношения¹, он явно хотел дистанцироваться от своего слишком идеологизированного предшественника. Это же относится к его позиции по сирийскому конфликту, где он отошел от сверхжесткой линии Ф. Олланда, требовавшего непременного ухода Б. Асада. В уже отмечавшемся интервью европейским СМИ Э. Макрон подчеркнул, что он считает главными врагами в этой стране «все действующие там террористические группы, которые нельзя устранить без сотрудничества с Россией». Кроме того, он «не хотел бы, чтобы Сирия стала несостоявшимся го-

¹ Macron E. Op.cit, p. 209.

сударством». Особо стоит отметить высказывание нового президента о том, что «Франция не участвовала в войне в Ираке и была права»¹.

Вместе с тем Э. Макрон занял более жесткую позицию в отношении Киева в вопросе о реализации Минских соглашений по урегулированию ситуации в Донбассе. Как сообщает французская пресса, на встрече с президентом Украины П. Порошенко в Париже 26 июня 2017 г. он, заверив своего собеседника, что «Франция никогда не признает аннексию Крыма» и что она считает поведение России в Донбасском регионе «агрессией», одновременно потребовал, чтобы Киев начал реально продвигаться к выполнению данных соглашений и не ссылался на свое «бессилие»².

Таким образом, новый французский президент действительно пытается вести политику самостоятельной державы. Но насколько она соответствует реальным возможностям Франции? Указанные заявления по Сирии, например, Э. Макрон счел необходимым «уравновесить» установлением «красной линии» для сирийского режима (применение химического оружия), пересечение которой повлечет удары по его силам и объектам со стороны Франции. Между тем вклад Франции в действия международной коалиции в Ираке и Сирии весьма скромен, а имевшее место ранее вмешательство в Ливии потребовало помощи США. Конечно, Э. Макрон пообещал повысить военные расходы страны до 2% ВВП (сейчас они составляют 1,78%), но лишь к 2025 г.

Главное, однако, что этот курс, как уже отмечалось, мало совместим с приоритетностью евроинтеграционного движения Франции. Стремясь увеличить ее роль в ЕС, Э. Макрон пытается возродить совместное с Германией лидерство в Союзе, но соотношение сил в этой связке чем дальше, тем больше в пользу Берлина. Между двумя странами существуют достаточно глубокие разногласия по вопросам реформ в ЕС – от «еврозоны» до охраны границ, не говоря уже об идее «европейской обороны», пропагандируемой, главным образом, Э. Макроном. Германия также не горит желанием продвигать средиземноморское или африканское направление политики ЕС, которые нужны Франции, для нее приоритетнее Восточная Европа. Иначе говоря, Франция рискует оказаться перед выбором: либо «державность», либо все большее следование в кильватере германского партнера, который будет на деле определять политику ЕС. Как новый президент будет решать эту дилемму, сможет ли он найти какое-то равновесие между двумя этими векторами, покажет время.

¹ Le Temps, 22.06.2017.

² Le Monde, 27.06.2017.

ЗРЕЮТ «ГРОЗДЬЯ ГНЕВА»: ВСПЛЕСК ПРАВОГО ПОПУЛИЗМА В ЕВРОПЕ И КРИЗИС ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Андрей Белинский,

ведущий редактор, Отдел проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН

Ключевые слова: правый популизм в Европе, кризис либеральной демократии, ЕС, политическая элита, европейские выборы.

Приход к власти правопопулистских партий в Австрии («Австрийская партия свободы»¹) в Венгрии («Фидес») и Польше («Право и справедливость»), победное шествие «Альтернативы для Германии» (АдГ) по немецким ландтагам, ее относительная победа на общегерманских выборах и прохождение в Бундестаг в сентябре 2017 г., выход во второй тур президентских выборов во Франции кандидата «Национального фронта» и неожиданная для всех победа Д. Трампа отчетливо продемонстрировали, что мы имеем дело не с единичными отклонениями от нормы, а с глобальным феноменом, порожденным структурными экономическими, политическими и культурными изменениями и нуждающимся в серьезном осмыслении. Именно поискам ответов на вопросы о том, что представляет собой «правое поветрие» сегодня, чьи интересы оно выражает и каким образом ему можно противостоять, посвящена данная статья.

Чтобы понять успех правых популистов необходимо обратиться к программным документам этих партий, лозунгам и требованиям, которые озвучивают их лидеры. Хотя политические традиции, региональные и культурные особенности накладывают существенный отпечаток², тем не менее можно выделить базовые положения, которые образуют общий знаменатель для всех правопопулистских партий. Центральным тезисом современных «новых правых», вокруг которого выстраивается вся

их концепция, является необходимость защиты интересов «простого народа» перед коррумпированной, оторванной от своих корней и некомпетентной элитой. При этом, как отмечает Бритта Шеленберг (Университет Людвига-Максимилиана, Мюнхен) «народ существует как гомогенное тело и тем самым как целое»³. При этом лидеры правопопулистских партий стараются обходить вопрос, о том, что интересы различных социальных групп могут не совпадать, как и то, кого собственно следует отнести к «народу».

Нации противопоставляется политическая элита, которую лидер «Национального фронта» Марин Ле Пен назвала «некомпетентным политическим классом, маскировавшим свою неспособность изменить эти тенденции потоком лжи, превращавшим свои провалы в успехи, последовательные отступления в победы...»⁴. При этом отчуждение политического класса от народа в устах лидера «Национального фронта» приобретает характер заговора, в котором самое активное участие принимают представители крупного капитала и ведущие СМИ. Ей вторит немецкая «Альтернатива для Германии», которая обвиняет «ложивую прессу» в замалчивании преступлений мигрантов и говоре с политической элитой с целью сокрытия правды от граждан⁵.

Следует подчеркнуть, что конфликт «народ–элита» не является исключительно выдумкой крайне правых. Пришедшая на смену «славному тридцатилетию»⁶ эпоха неолиберальных реформ и глобализации привели к демонтажу «государства всеобщего благоденствия» и социальному расслоению⁷. В ре-

¹ На состоявшихся 15 октября парламентских выборах «Австрийская партия свободы» набрала около 26% голосов и может войти в коалиционное правительство. – Прим. авт.

² Эти отличия проявляются, например, в отношении правопопулистских партий к религии. Если скажем для «Австрийской партии свободы» или «Альтернативы для Германии» этот вопрос играет скорее второстепенную роль, то польская «Право и справедливость» и венгерская «Фидес» активно подчеркивают значимость религии для страны. В 2010 г. в Венгрии была принята новая Конституция, в которой говорилось о том, что венгерский народ теперь объединяют Бог и христианство. – Прим. авт.

³ Schelenberg B. Rechtspopulismus im europäischen Vergleich – Kernelemente und Unterschiede // <http://www.bpb.de/politik/extremismus/rechtspopulismus/240093/rechtspopulismus-im-europaeischen-vergleich-kernelemente-und-unterschiede>

⁴ Ле Пен М. Сквозь враждебные волны. – М.: Кучково поле, 2016. С. 202.

⁵ Der Spiegel. Das Zerwürfnis. 12/2016. S. 14.

⁶ Славное 30-летие – период с 1946 по 1975 г., характеризующийся бурным экономическим ростом стран Запада, демографическим бумом и формированием при активном участии государства обширного среднего класса. – Прим. авт.

⁷ Более подробно эта проблема затронута в работах Пикетти «Капитал», Дж. Стиглиц «Цена неравенства», К. Лэш «Восстание элит». – Прим. авт.

зультате от 20 до 30% населения (главным образом социальные низы, рабочий класс, часть среднего класса) не вписались в новый миропорядок, оказались проигравшими от глобализации (*Verlierer der Globalisierung* – нем.). При этом традиционные способы защиты своих прав посредством голосования за социал-демократические партии перестали фактически функционировать, поскольку социалисты отказались от своего традиционного избирателя в пользу неолиберальных теорий; либерализм фактически разошелся с демократией. Нарастающий разрыв между частью общества и элитами, коррупция части которых в ряде стран (Южная Европа, Франция) приобрела широкий размах¹, пытаются (и не без успеха) использовать правые популисты, которые представляют себя единственными защитниками простого народа. При этом в отличие от праворадикальных группировок они формально не только не стремятся к демонтажу парламентской демократии, а, напротив, к ее расширению посредством вынесения важных политических вопросов на референдум, как того требует, например «АдГ», ссылаясь на швейцарский опыт².

Не меньшую критику, чем собственная элита у правых популистов, вызывает Европейский союз, принципы которого, по их мнению, противоречат национальным интересам. Список претензий, выдвигаемый Брюсселю, достаточно велик и простирается от ограничения национального суверенитета, гибели отечественной промышленности до утраты национальной идентичности. В этом едины и «Австрийская партия свободы», и «Национальный фронт» и «Альтернатива для Германии». Однако что касается путей решения проблемы, то здесь спектр мнений может существенно различаться. Если Марин Ле Пен требовала полного выхода из ЕС и отказа от евро, то немецкие правые популисты пока ограничиваются «лишь» требованиями выхода из Еврозоны и предоставления большей свободы членам ЕС.

Третим столпом правопопулистских партий в Западной Европе является требование ограничения миграции из стран третьего мира, ужесточения законодательства в этой сфере и т.д. На этом «поле» активно пытались играть и праворадикальные группы, однако с избирательной точки зрения их успехи были откровенно малозначительными (Национал-демократическая партия Германии, «Немецкий народный союз»), либо непрочными («Национальный

фронт» при Ж.М. Ле Пене). В первую очередь это обусловлено тем, что данные партии прочно ассоциировались в сознании подавляющей массы населения с фашизмом или нацизмом, которые для пережившей кошмар Второй мировой Европы до сих пор остаются крайне болезненными темами. И даже если в глубине души часть граждан и сочувствовала антимигрантским и антиисламским лозунгам, однако она не решалась (или не хотела) выразить открытую поддержку правым радикалам, поскольку не разделяла полностью их взгляды или опасалась получить ярлык «фашиста». Современные правопопулистские партии Западной Европы пошли совсем другим путем, попытавшись через отказ от примитивного биологического расизма и политически некорректных высказываний³ сделать антимигрантскую риторику привлекательной для широких социальных слоев и групп, включая и средний класс. Если открыть книгу Марин Ле Пен «Во имя Франции», которую в определенной степени можно рассматривать как программный документ «Национального фронта», то мы увидим отсутствие каких-либо намеков на расизм или открытую ксенофобию по отношению к выходцам из Северной Африки или Турции. Проблема миграции рассматривается с социально-экономической точки зрения и объявляется злом, поскольку она ведет к снижению зарплат и ухудшению положения местных рабочих (как, впрочем, и самих мигрантов), что в конечном итоге служит лишь интересам крупного бизнеса: «Опытный и критически мыслящий европейский рабочий будет заменен социально незрелым иммигрантом, единственным смыслом существования которого является рыночная булимия»⁴.

Другим аргументом против миграции из мусульманских стран, который «новые правые» активно используют в дискуссиях с политическими оппонентами, является культурная несовместимость норм ислама и европейской цивилизации⁵, с ее принципами толерантности, равноправием мужчин и женщин и т.д.

¹ О степени дискредитации двух крупнейших политических сил «Союза за народное движение» и «Социалистической партии» в той Франции можно судить по тому факту, что во время своей избирательной кампании М. Макрон демонстративно дистанцировался и от правых, и от левых, сделав ставку на недавно созданное движение «На марше». – Прим. авт.

² Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum deutschen Bundestag am 24. September 2017 // <https://www.afd.de/wahlprogramm/>

³ Многолетний лидер Австрийской партии свободы Йорг Хайдер, выступая в парламенте, мог позволить себе назвать нацистские концентрационные лагеря исправительными лагерями (*Straflager*), а на встрече в Крумпендорфе с ветеранами Второй мировой, среди которых были и военнослужащие войск СС, назвать их «людьми с характером, которые остались верны своим идеалам». Его приемник на посту председателя Хайц-Кристиан Штрахе не только избегал подобного рода высказываний, но и совместно с правыми популистами из других европейских стран посетил Израиль, где пытался найти новых союзников в лице ультраподоксальных поселенцев. – Прим. авт.

⁴ Ле Пен М. Сквозь враждебные волны. – М.: Кучково поле, 2016. С. 94.

⁵ Как заявил руководитель «Альтернативы для Германии»: «Мы поставим под угрозу нашу свободу, если примем людей, которые совсем не хотят эту свободу». См.: Der Spiegel. Das Zerwürfnis 12/2016. S. 14.

И наконец, четвертой особенностью современного правого популизма является апелляция к социальным проблемам, защите интересов «маленького человека» и национального производителя в целом. Если первоначально «Национальный фронт», «Австрийская партия свободы» и «Альтернатива для Германии» выступали скорее с либеральной экономической программой, то в последнее время социальная тематика стала занимать центральное место в их риторике. И дело здесь не только в социально-экономических проблемах, с которыми сталкиваются многие европейские страны. Переход социалистических партий к неолиберализму и кризис коммунистов создал своеобразный вакуум на левом фланге, который был заполнен правыми популистами. «Уже при прежнем руководстве (Ж.М. Ле Пене) «Национальный фронт» сумел извлечь выгоду из упадка компартии. Анализ голосования в 1990-е показал, что националисты стали набирать голоса в рабочих предместьях, где раньше безраздельно господствовали коммунисты. Деморализованная после распада СССР компартия стремительно теряла сторонников и активистов, а прочие левые дружно отворачивались от рабочих, считая их «классом прошлого»¹», – отмечал левый политолог и публицист Б.Ю. Кагарлицкий.

Как мы видим, углубляющаяся пропасть между политической элитой и частью общества, провалы правительства, умелое сочетание социальной и национальной риторики обеспечили правопопулистским партиям успех на выборах, а также солидную избирательную базу. Последнюю можно условно разделить на четыре группы.

Наиболее восприимчив к лозунгам правых популистов (как это ни парадоксально звучит) оказался бывший «левый электорат» (рабочие, фермеры, прекариат²). Именно он на сегодняшний день составляет ядро избирателей этих партий, а их общая доля, по некоторым оценкам, колеблется от 25 до 40%. По данным, которые приводят Кристоф Гюльи, 32% рабочих и 37% безработных поддерживают «Национальный фронт» во Франции, в то время как за «Союз за народное движение» (UMP) и «Социалистическую партию» (SP) голосуют преимущественно представители более обеспеченных слоев населения³. Примерно таким же образом обстоит дело и в Германии, где на сегодняшний день 34% избирателей «Альтернативы для Германии» составляют рабочие, что вдвое больше, чем у социал-демократов (17%)⁴. Эти группы населения больше

всего пострадали от неолиберальной политики в 1980–2000-х годах и к тому же оказались фактически преданными левыми партиями, которые как британские лейбористы при Т. Блэр или немецкая СДПГ при Г. Шредере серьезно сдвинулись вправо, сделав ставку на средний класс. При этом нужно отметить, что эти социальные слои группы фрустрированы не только своим ухудшающимся материальным положением, но и наплывом в Европу большого числа мигрантов, носителей чужой культуры и религии, а так же резким изменением привычного уклада жизни⁵. И если их первоначальный протест выражался сначала преимущественно в отказе от голосования, то с появлением или развитием правопопулистских партий у этих групп населения появился рупор, с помощью которого они могут донести свои претензии до политического истеблишмента.

Если гнев и скептицизм в отношении правящих элит, миграции и ЕС со стороны низших слоев населения понятны и очевидны, то иначе обстоит дело со средним классом, вернее той пока еще относительно небольшой его частью, кто выражает симпатии правым популистам. Что же толкает вполне благополучных людей, которые еще недавно голосовали за традиционные партии или вовсе не интересовались политикой, в объятия Герда Велдерса и Фраuke Петри (АдГ)? Хотя на сегодняшний день их материальное положение достаточно стабильно, у них нет уверенности в своем будущем и будущем страны. Теракты в европейских городах, проблемы интеграции мигрантов, угроза потери работы или прекаризация рынка труда с невозможностью повлиять на политику «старых» партий делает эту группу восприимчивой к риторике правых популистов⁶. Третья группа, пусть численно и незначительная, но достаточно заметная на общем фоне, представлена правыми радикалами или даже неонацистами, чьи взгляды существенно отличаются от официальной партийной линии. Проникновение этой группы в партийные структуры шло двумя путями. В первом случае правые радикалы сами стояли у истоков создания партии («Австрийская партия

[soziales/bundestagswahl-2017-wer-waehlt-cdu-csu-spd-fdp-gruenen-linke-afd-a-1158543.html](http://www.bundestagswahl-2017-wer-waehlt-cdu-csu-spd-fdp-gruenen-linke-afd-a-1158543.html)

⁵ При изучении избирателей правых популистов обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, избиратели «Национального фронта» и «Альтернативы для Германии» не в крупных городах, а преимущественно в провинции, которая всегда отличалась консерватизмом. Во-вторых, более 60% избирателей – это мужчины, вероятно фрустрированные ослаблением их доминирующей роли в обществе. Таким образом, противостояние между политическим мейнстримом и правым популизмом приобретает подчас не только социальный, но и культурный характер. – *Прим. авт.*

⁶ Эта тенденция особенно хорошо видна в Германии, где бывшие члены ХДС, недовольные политикой канцлера А. Меркель создали в 2013 г. «Альтернативу для Германии». – *Прим. авт.*

¹ Кагарлицкий Б. Неолиберализм и революция. СПб.: ООО Полиграф, 2013. С. 108.

² Работники с временной или частичной занятостью.

³ Guilluy C. Das peripherie Frankreich: Soziologie und Geographie, in: Ernst Hillebrand (Hg.) Rechtspopulismus in Europa. Dietz Verlag, Bonn, 2015. S. 108.

⁴ Der Spiegel ONLINE. Wie Gehalt, Beruf und Wohnort die Wahlentscheidung prägen // <http://www.spiegel.de/wirtschaft/>

свободы», «Национальный фронт») или вступили в нее после роста ее популярности («Альтернатива для Германии»). Наиболее отчетливо эта тенденция видна в Восточной Германии, где бывшие члены мелких праворадикальных организаций «Свобода» («Die Freiheit»), «Республиканцы» («Republikaner»), «Альянс независимых граждан – Бранденбург» («Allianz Unabhängiger Bürger» – Brandenburg) пополнили ряды Альтернативы для Германии, для того чтобы пробиться в большую политику, а заодно и навязать свои взгляды остальным партийцам. И наконец, последнюю группу, поддерживающую правопопулистские партии, составляют ... представители истеблишмента. Строительный магнат и миллиардер Дональд Трамп, Андрей Бабиш (один из богатейших предпринимателей Чехии и одновременно лидер популистской «Акции недовольных граждан»), бывший помощник обер-бургомистра Франкфурта Александр Гауланд. Объяснение этого, на первый взгляд парадоксального, факта достаточно простое. Неприязнь к политике правящих кругов вкупе с наличием политического или управленческого опыта, финансов и образования обусловили то обстоятельство, что во главе правопопулистских партий нередко оказываются представители высших слоев. Как мы видим, социальный состав правопопулистских движений достаточно неоднороден, однако эти слои объединяет одно: неприязнь к «старым» партиям, проводимой ими политике, глобализации и миграции. Таким образом, современный правый популизм – это в какой-то степени «восстание против элит» той части общества, пострадавшей от неолиберальной политики правящих элит или испытывающей страх и неуверенность в своем будущем из-за быстрых и кардинальных перемен в мире.

Хотя «правая волна» в Старом Свете в настоящее время пошла на спад, нет никаких сомнений в том, что правопопулистские партии в обозримом будущем останутся неотъемлемой частью политического ландшафта и вполне вероятно могут добиваться существенных успехов как на локальном, так и на федеральном уровнях. Это обстоятельство требует как от демократических партий, так и от представителей гражданского общества выбора эффективной стратегии противодействия правому популизму из

трех возможных вариантов: игнорирование, демонизация, конструктивная критика. Практика показала, что игнорирование или замалчивание со стороны истеблишмента и СМИ, как это имело место в отношении «Альтернативы для Германии» в 2013 г., перестает работать, как только правопопулистские партии начинают получать поддержку избирателей. Не слишком продуктивной выглядит и демонизация правых популистов, направленная на создание своеобразного «защитного вала» между ними и остальным обществом. Во-первых, в условиях, когда современный правый популизм отказался (во всяком случае, официально) от темных сторон своего прошлого (расизм, восхваление нацистских преступников) подобного рода стратегия будет воспринята многими как своего рода «черный PR», попытка поставить своих политических оппонентов в один ряд с ультраправыми, что в свою очередь существенно снижает ее эффективность. Во-вторых, такого рода действия еще больше увеличивают разрыв между элитой и той частью общества, которая поддерживает правопопулистские партии, поскольку последняя получает очередной повод убедиться в том, что верхам нет никакого дела до их нужд. Наконец третий вариант основан на невозможности игнорировать правый популизм как раньше и необходимости критической, но в тоже время конструктивной полемики. Эта стратегия предполагает, с одной стороны, критику заведомо невыполнимых и опасных требований правых популистов (выход из НАТО, ЕС, отказ от евро), а с другой – трезвую оценку тех реальных проблем, которые присутствуют в их программах (бездомница, защита национального производителя и т.д.) И наконец, в-третьих, необходимо восстановление доверия между традиционными партиями и бывшим избирателем, особенно это касается социал-демократов, в 1990–2000-х «потерявших» рабочий класс. Этот путь очень труден и требует больших усилий, компромиссов, но иного выхода нет. Не случайно Э. Макрон после своей победы призвал своих сторонников не освистывать М. Ле Пен и пообещал, что «в ближайшие пять лет будет добиваться того, чтобы французы перестали поддерживать радикальные политические силы»¹.

¹ Вперед, Макрон! // <http://polit.ru/article/2017/05/08/macron/>

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЗАПАДА И ИРАНА: НА ПУТИ К НОВОМУ СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПРОТИВОСТОЯНИЮ?

Филипп Трунов,

старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН

Ключевые слова: Запад, Иран, стратегическое противостояние, «ядерная сделка», региональная безопасность, Ближний и Средний Восток, ИГ, сирийский кризис.

В список ключевых «проблемных узлов» для Евро-Атлантического сообщества в области международной безопасности, помимо стратегического ухудшения отношений с Россией, «сирийского вопроса», роста международной террористической угрозы и необходимости денуклеаризации Корейского полуострова может войти еще один момент: скатывание к конфронтации с Исламской Республикой Иран (ИРИ). Заключенная 15 июля 2015 г. «шестеркой» (США, Великобритания, Франция, Германия, Россия и Китай) с Ираном «ядерная сделка» расценивалась на Западе как крупный дипломатический успех – в частности, именно так трактовала договоренности администрация Б. Обамы¹. Однако чуть более года спустя, с середины 2016 г. ИРИ стала подвергаться массированной критике со стороны ведущих западных держав.

Так, именно на Иран (а также Россию и правительство Б. Асада) МИД ФРГ возлагал ответственность за гуманитарную катастрофу в Алеппо и в целом за продолжение боевых действий в Сирии². После заметного спада в 2015–2016 гг. отношения стран Запада и Саудовской Аравии, считающей себя ключевым региональным противовесом ИРИ, демонстрируют положительную динамику. Иллюстрацией этого стали участившиеся визиты в Эр-Рияд глав государств и правительств ряда западных стран – причем не только Д. Трампа, склонного по объективным и субъективным причинам к пересмотру внешнеполитического курса своего предшественника, но и канцлера А. Меркель³, чьи внешнеполитические ус-

тановки далеки от позиции американского президента. В начале сентября 2017 г., на фоне резкого нарастания напряженности вокруг северокорейской «ядерной проблемы», власти Великобритании заявили о причастности Ирана к созданию ОМП КНДР⁴. Что же послужило катализатором роста давления на ИРИ со стороны Запада с конца 2016 г.?

Для ответа на данный вопрос уместно обратиться к особенностям взаимоотношений двух сторон к середине 2010-х годов, когда была заключена «ядерная сделка». С момента «апрельской революции» (1979) пришедший на смену шахской власти «режим аятоллы» в Иране стал восприниматься Западом как угроза региональной и глобальной безопасности. Безусловно, кардинальный пересмотр прозападного внешнеэкономического и внешнеполитического курса бывшего шахского режима, предполагавший и такие жесткие акции как захват в заложники сотрудников Посольства США в нарушение международного права, не мог не вызвать определенной ответной реакции. Однако попытки «выключить» Иран как регионального игрока, блокировав его в 1980-е годы с помощью союзников и партнеров (Ирака во главе с «ранним Саддамом», Пакистана и монархий Залива во главе с Саудовской Аравией), продолжавшиеся вплоть до середины 2010-х гг., оказались контрпродуктивными как минимум в двух отношениях.

Во-первых, Иран продемонстрировал жизнеспособность своей политической и экономической системы, несмотря на фактор почти 35-летних (!) экономических санкций Запада и попытки его политико-дипломатической изоляции как со стороны западных государств, так и их партнеров (особенно стратегических) в регионе. Бурное экономическое (и демографическое) развитие, успешное строительство общегосударственной идентичности (в том числе для этно-религиозных меньшинств) стали внутренними индикаторами данной тенденции. Первоочередным вызо-

¹ The historic deal that will prevent Iran from acquiring a nuclear weapon // Сайт Белого дома (архив) <obamawhitehouse.archives.gov/node/328996> (Дата обращения 15.08.2017.)

² Außenminister Steinmeier begrüßt Entsendung von UN-Beobachtern nach Aleppo // Сайт МИД ФРГ <http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Syrien/201216_Syrien_UNBeobachter.html> (Дата обращения 15.08.2017.)

³ Bundeskanzlerin Merkel reist in das Königreich Saudi-Arabien und in die Vereinigten Arabischen Emirate // Сайт Ведомства федерального канцлера <www.bundesregierung.de/Content/

DE/Pressemitteilungen/BPA/2017/04/2017-04-21-saudi-arabien-vae-breg.html> (Дата обращения 15.08.2017.)

⁴ Exclusive: North Korea «secretly helped by Iran to gain nuclear weapons» British officials fear <www.telegraph.co.uk/news/2017/09/09/exclusive-north-korea-secretly-helped-iran-gain-nuclear-weapons/> (Дата обращения 15.08.2017.)

вом следует признать «ядерную программу» Исламской Республики Иран – в отношении нее США, с учетом опыта иракской кампании (2003) и ее последствий, а также позиции европейских союзников по НАТО, России и Китая, отказались от проведения превентивной масштабной операции в пользу переговоров. Показателем признаваемой *de-facto* важности Ирана как регионального и потенциально глобального игрока со стороны Запада стало параллельное (с РФ и КНР) ведение переговоров с Ираном в 2005–2006 гг. «евротройкой» (Е3 в составе Великобритании, Франции и Германии). С 2006 г. в результате институциализации данного процесса возник шестисторонний формат – его образование было шагом навстречу Ирану. Особое значение участие в данном механизме имело для ФРГ – единственного государства-участника, не являвшегося ни постоянным членом Совета Безопасности ООН, ни ядерной державой¹. Как известно, в соответствии с Договором об окончательном урегулировании в отношении Германии (1990) страна взяла на себя обязательства по отказу от производства, владения и распоряжения всеми известными на тот момент видами ОМП².

Практика показала, что обеспечение региональной безопасности в регионах Ближнего и Среднего Востока невозможно без участия Ирана. Так, учитывая масштаб и остроту «афганской проблемы», подключение ИРИ (в том числе в военном отношении) к ее урегулированию позволило бы достичь ситуации, в корне отличной от нынешней. Иран демонстрирует стремление противодействовать распространению угроз нестабильности (в первую очередь, в виде наркографика) из Афганистана на свою территорию. Однако в условиях весьма напряженных отношений с Западом официальный Тегеран выбрал оборонительную тактику, создав мощные барьеры и развернув отборные соединения Корпуса стражей исламской революции (КСИР) вдоль 900-километровой границы с Афганистаном. В результате из всех соседей последнего лишь Иран (наряду с Пакистаном и Узбекистаном, помочь которым активно оказывалась Западом) способен держать в неприкосновенности свои границы. При проведении операции «Несокрушимая свобода» и деятельности Международных сил содействия безопасности Западу и его партнеров не хватило времени (опыта) и ресурсов – в том числе военных – для того, чтобы превратить поражение движения «Талибан» и террористов «Аль-

Каиды» в разгром. В начале – середине 2000-х годов на афганской территории находились недостаточные (до 50–70 тыс. военнослужащих) силы стран – участниц НАТО, а к процессу строительства афганских вооруженных сил (не небольших, а значительных и способных действительно контролировать ситуацию на всей территории страны) западные страны приступили лишь с конца 2000-х годов³. Огромную роль сыграло и запаздывание в реализации шагов по восстановлению вертикали власти на уровне провинций (и ниже) в районах, «зачищенных» от боевиков. Так, первые восстановительные команды провинций (ПВК) были созданы лишь в 2003–2004 гг., а на всей территории Афганистана – к 2008 г. (!) или спустя пять–семь лет после развертывания здесь военных контингентов по поддержанию мира странами Запада⁴. Итогом этих стратегических ошибок стало восстановление монстра «Талибана» (и в меньшей степени «Аль-Каиды»), что поставило под угрозу все результаты афганской стратегии НАТО и Евросоюза. С точки зрения автора, потенциально этих ошибок можно было бы избежать (или как минимум существенно сократить их негативное воздействие) благодаря координации усилий с Ираном, как детально разбирающимся в обстановке в соседнем Афганистане, и подключения КСИР к боям с радикалами и террористами. Однако это противоречило стратегическим установкам стран и институтам Евро-Атлантического сообщества и обострялось их неготовностью допустить своего оппонента на политическое поле Афганистана.

Обрушение единой государственной системы Ирака вследствие войны со стороны «коалиции желающих» во главе с США (2003), хотя и обеспечило возможность для присутствия стран Запада на Ближнем Востоке (в том числе военного), в стратегическом плане оказалось в целом проигрышным. Это показали успехи «Исламского государства» (ИГ)⁵, сумевшего в 2014–2015 гг. захватить большую часть территорий иракского Курдистана и «суннитского треугольника» – основной территории, подконтрольной новым властям в Багдаде. На фоне этого происходило укрепление позиций Ирана в стратегически важном районе нижнего течения Тигра и Евфрата с преимущественно шиитским населением – официальный Тегеран продемонстрировал возможность использовать ошибки стран Запада.

¹ Большинство стран – участниц формата, в том числе Россия, США и Китай, использовали для характеристики схемы его функционирования формулу «5+1» (5 легальных ядерных держав и ФРГ). Германия последовательно придерживалась формулы «3+3» («евротройка» и 3 внешних участника), тем самым стремясь повысить свой статус на переговорах и подчеркнуть равное положение с ядерными державами. – Прим. авт.

² Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации: Выпуск XLVII. – М: Международные отношения, 1994. – С. 35–36.

³ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz der Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan (International Security Assistance Force, ISAF) unter Führung der NATO auf Grundlage der Resolutionen 1386 (2001) und folgender Resolutionen, zuletzt Resolution 1943 (2010) des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen. – Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/4402, 13.01.2011. – S. 5–6.

⁴ ISAF's mission in Afghanistan (2001–2014) (Archived) // Сайт НАТО <http://www.nato.int/cps/in/natohq/topics_69366.htm> (Дата обращения 15.08.2017.)

⁵ Запрещенная в России террористическая организация. – Прим. авт.

В сентябре 2014 г. для борьбы с «Исламским государством» на иракском и сирийском театрах военных действий (ТВД) США и их партнеры по НАТО создали международную антитеррористическую коалицию, развивая взаимодействие с умеренной (в том числе условно) оппозицией на первом направлении и властями в Эрбиле и Эр-Рияде – на втором. После вступления России в вооруженную борьбу с ИГ 30 сентября 2015 г. была образована вторая, ведущая боевые действия параллельно с западной, международной антитеррористической коалицией в составе РФ, ИРИ и действующих властей Сирийской Арабской Республики (САР) во главе с Б. Асадом, взаимодействующая с официальным Багдадом. Оба союзника САР вносят заметную лепту в дело разгрома ИГ, «Джебхат Ан-Нусры» и многочисленных дружественных или нейтрально настроенных к ним сил на сирийском политическом ландшафте. РФ использует для этого в первую очередь свои ВКС, а также ВМФ, а Иран – наземные войска, в первую очередь, из состава КСИР. Уже осенью 2015 г. коалиции удалось приостановить наступление ИГ, а вслед за этим приступить к освобождению САР, большая часть территории которой находилась в руках террористов – цели, которая оказалась недостижимой для использующих в основном лишь ВВС западных стран. Взятие в декабре 2016 г. Алеппо – второго по величине города в стране, населенного суннитами, – продемонстрировало сохранение за действующими властями САР ведущей роли в стабилизации обстановки в стране. В августе–сентябре 2017 г. коалиции удалось разгромить крупную группировку ИГ в долине Тигра, одновременно устанавливая контроль над гористыми районами Сирии на границе с Ираком, где боевики планировали перегруппировать свои силы. Успехи на сирийском ТВД, связанным с иракским как система сообщающихся сосудов, привели к переброске на первый со второго значительных сил (нескольких бригад) боевиков ИГ. Это весьма облегчило взятие

Мосула и последующее продвижение на запад иракских и курдских войск, поддерживаемых западной коалицией. Соответственно, на фоне «пробуксовывания» Западного проекта по решению «сирийского вопроса» (с опорой на умеренную оппозицию), официальный Тегеран вместе с Россией и властями САР, а в перспективе – и Ирака строит качественно иную архитектуру безопасности на Ближнем и Среднем Востоке, где Западу отводится весьма ограниченная роль.

«Ядерная сделка» 2015 г. позволила Ирану активизировать свою внешнеполитическую деятельность не только на региональном, но и глобальном уровнях, утверждаясь в качестве нового центра влияния. При этом, вопреки первоначальным ожиданиям Запада, Иран не стал координировать с ним на стратегическом уровне свои шаги, продолжив углублять сотрудничество с незападными державами во многих сферах, в том числе такой чувствительной, как военно-политическая.

Думается, что именно «кризис разочарования» после «ядерной сделки» и стал главной причиной нынешнего нового витка стратегического ухудшения со стороны Запада отношений с Ираном. Цель этого курса – обеспечение максимально полного «выключения» ИРИ из архитектуры миропорядка и «отыгрывание» позиций на политическом поле Ближнего Востока. В ближне- и среднесрочной перспективе следует ожидать роста давления на Иран, в том числе посредством углубления сотрудничества стран Запада с монархиями Аравийского полуострова (особенно официальным Эр-Риядом) и интенсификацией использования своих политических инструментов на Ближнем и Среднем Востоке. «Точкой невозврата» может стать односторонний отказ Запада (или как минимум части держав-подписантов – США, Великобритании, ФРГ) от «ядерной сделки», что будет означать возвращение к парадигме отношений с ИРИ, существовавшей в 1980-е – середине 2010-х годов.

ОПЕК+ И МИРОВОЙ РЫНОК НЕФТИ

Михаил Субботин,

старший научный сотрудник ИМЭМО РАН

Ключевые слова: ОПЕК, ОПЕК+, нефтедобыча, квоты, экспорт нефти, нефтяной рынок, экономическая политика.

Три этапа соглашения ОПЕК+

К концу 2016 года Организация стран – экспортёров нефти собралась с силами, чтобы продемонстрировать миру свою дееспособность. Сначала на за-

седании 30 ноября члены ОПЕК договорились о сокращении своей добычи на 1,2 млн барр. в сутки – до 32,5 млн барр. Затем позвали еще 14 стран, большинство из которых откликнулись на это приглашение, а объединенная коалиция стран-нефтеэкспортеров получила неофициальное название ОПЕК+.

На встрече в Вене членов ОПЕК с другими экспортёрами нефти 10 декабря 2016 г. было согласовано

сокращение ими добычи суммарно еще на 558 тыс. барр. в сутки, в том числе Россией – на 300 тыс. барр. В начале мая Россия объявила о том, что перевыполнила свои обязательства, сократив добычу на 300,79 тыс. барр. в сутки относительно октября 2016 г., и заявила при этом, что не ставит перед собой цель повлиять на цену нефти, а основная задача – балансировка рынка и сокращение избытка запасов в мире¹. Что, собственно, и означает попытку повлиять на цены...

Для мониторинга действий участников был создан комитет, в который вошли три страны из ОПЕК и две «со стороны»: Россия, Оман, Венесуэла, Кувейт и Алжир. «Я думаю, что у стран ОПЕК и не-ОПЕК будет возможность встречаться и в других форматах, чтобы оценивать исполнение этих договоренностей и мониторить ситуацию на рынках», – заявил тогда министр энергетики РФ Александр Новак.

По сути, можно говорить о попытке создания своего рода энергетической «двойной»: речь идет о совместной работе в формате более широком, чем ОПЕК. Понятно, что пока это – всего лишь зародыш нового института и неясно, сформируется ли он. При этом эффективность нового соглашения была изначально ограничена ростом нефтедобычи в странах, которые к нему не присоединились. Да и ограничивать добычу взялись с рекордно высокого уровня производства в 33,21 млн барр., который был достигнут в октябре прошлого года, т.е. по сути, сохраняя избыток предложения над спросом.

25 мая 2017 г. на заседании в Вене члены ОПЕК договорились продлить действие соглашения о сокращении добычи нефти на девять месяцев – до 31 марта 2018 г., а затем в течение нескольких дней нефтедобывающие страны, не являющиеся членами ОПЕК, подтвердили свое присоединение к этой договоренности².

Итак, первоначально соглашение было заключено на шесть месяцев, затем его продлили еще на девять... По промежуточной оценке Международного энергетического агентства (МЭА), ОПЕК выполнила свои обязательства по сокращению добычи на 97%, поддержавшие ОПЕК страны, не входящие в картель, также снизили добычу и, таким образом, ОПЕК+ выполнила условия соглашения на 83%³.

Что дальше? В настоящее время развернулась дискуссия о том, свернуть ли соглашение ОПЕК+ или снова продлить его. По сути, рынок подсег на этот специфический наркотик, и выход из этого соглашения может спровоцировать новый виток ценовой конкуренции.

Россия пока еще не принимала решения о продлении соглашения ОПЕК+ о сокращении добычи

нефти и, по мнению Александра Новака, делать это надо только в случае форс-мажора, а пока «мы исходим из того, что рынок балансируется, мы видим стабильные цены в районе \$50 (за баррель), меньшую волатильность, снижение запасов»⁴.

Состояние рынка

Текущие цены на нефть позволяют привлекать отрасль инвестиции, которые сократились в 2014–2015 гг. на сумму более \$500 млрд. И даже форс-мажоры помогают ОПЕК+: в частности, из-за ураганов в США сократилась добыча в Техасе, сохраняется опасность дестабилизации ситуации в той же Ливии, Нигерии и т.д. Правда, одновременно, они же помогают и конкурентам ОПЕК+...

Тем не менее добыча нефти в мире будет расти быстрее, чем спрос, а рынок в обозримой перспективе останется в состоянии избыточного предложения. И с этим фундаментальным фактором ОПЕК не может бороться. Мало того, что от сокращения добычи были освобождены Иран, Нигерия и Ливия, так еще и активны страны, не примкнувшие к соглашению. Ожидается, что рост спроса в 3,2 млн барр. в сутки будет с лихвой перекрыт ростом сланцевой добычи в США и усилиями Бразилии и Канады.

ОПЕК не может в полной мере повлиять даже на своих членов («сокращение» добычи было достигнуто, в том числе посредством исключения трех стран из расчетов), к соглашению не присоединились многие серьезные игроки – не члены ОПЕК. Тем более, что она не оказывает воздействия на основных потребителей нефти – США, Китай, ЕС. Рост спроса потянет за собой и рост предложения, поэтому эксперты пока не видят причин для долговременного роста цен... Скорее ждут их снижения...

Как всегда, тяготы ограничения добычи придется взять на себя главным образом Саудовской Аравии, которая вынуждена рисковать своей долей на рынке: на 2018 г. намечено IPO Saudi Aramco объемом до \$100 млрд, а чем выше цена на нефть, тем выше цена пакета компании.

У России свой интерес – продление сделки с ОПЕК нужно для решения текущих задач бюджета перед президентскими выборами 2018 г. Цены на нефть с ноября, когда была заключено соглашение ОПЕК+, выросли почти на 20%, нефтегазовые доходы РФ за первый квартал достигли пика с лета 2015 г., а министр финансов РФ Антон Силуанов заявил, что соглашение позволит стране пополнять резервы⁵.

В США и добыча растет, и издержки падают, что позволяет не снижать темпа даже при снижении мировой цены. Согласно прогнозу Минэнерго США, общий объем добычи к концу нынешнего года в

¹ Исторически, как напоминает Goldman Sachs, Россия сотрудничала с ОПЕК «по обстановке»: в 1998 г. она снижала добычу вместе с картелем, а в 1999-м и 2002-м – увеличивала, когда ОПЕК сокращала. Подробнее, см.: <http://www.profile.ru/pryamayarech/item/113834-opek-i-primknuvshie-k-nej>

² <http://www.newsru.com/finance/05jun2017/sechinopec.html>

³ <http://1prime.ru/articles/20170621/827593101.html>

⁴ <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/09/08/732919-rossiya-soglashenie-opek>

⁵ <http://www.profile.ru/pryamayarech/item/117526-effekt-platsebo-i-opek>

стране превысит исторический рекорд и составит 9,65 млн барр. в сутки, а в 2018-м увеличится до 10,22 млн барр., превзойдя текущие показатели Саудовской Аравии (9,95 млн барр.). Вместе с тем, по оценке известной норвежской компании Rystad Energy, себестоимость сланцевой добычи за три года упала более чем вдвое – с 80 до 35 долл. за барр. в среднем по отрасли. В этих условиях соглашение ОПЕК+ лишь развязывает руки США.

Сделка ОПЕК+ мало на что повлияла: в июне 2017, по данным той же Kpler, ее экспорт был лишь на 120 000 барр. в день меньше, чем в октябре 2016, а участники ОПЕК добывали в 2016 г. 32,7 млн барр. в сутки, так примерно и держатся на том же уровне. Колебания цен, положение с бюджетами стран, военно-политическая ситуация и т.п. вызывают рост или падение добычи: Саудовская Аравия и ОАЭ снизили производство, а Иран, Нигерия и Ливия его увеличили. В США (по данным EIA) запасы в нефтехранилищах сократились по сравнению с прошлым годом, но в тот же период они выросли в Китае, т.е. произошел своего рода их транзит... Более того, с июня 2017 г. условия соглашения уже фактически не соблюдаются...

Соблюдение ОПЕК соглашения о сокращении нефтедобычи в 2017 г. (на 1,2 млн. барр./день к октябрю 2016 г.):

Источник: ОПЕК

Рыночные настроения и фундаментальные факторы

Рынки восприняли достигнутые договоренности всерьез, цена на нефть поползла вверх, оживились биржевые спекулянты, аналитики начали подсчитывать возможные дополнительные доходы бюджетов стран-экспортеров, если цена задержится на выросших значениях.

Собственно именно соотношение спроса и предложения, а не громкие заявления ОПЕК и примкнувших к ней стран определяют ситуацию на рынке. Рынок протестировал уровень цен ниже 30 долл. за барр. и вышел на 50–55 долл. Но это еще не значит, что сложившийся уровень цен – это заслуга самого соглашения. И наоборот, признание ограниченности своих возможностей – не капитуляция ОПЕК перед рынком, а конец имитации победы над ним.

В медицине врача выручает подчас эффект плацебо: вещество без явных лечебных свойств используется в качестве лекарственного средства, а его лечебный эффект связан с верой самого пациента в действенность препарата. Падение нефтяных цен сподвигло экспортеров на это старое средство: координация действий ведущих экспортеров нефти, пусть даже во многом фиктивная, успокаивает рынок, для которого видимость мира и устойчивости лучше пугающей неопределенности перспектив, волатильности цен и нервозности игроков на бирже...

Приходится слышать утверждения, что «только на слухах и предположениях» о сделке ОПЕК+ цена на нефть смогла восстановиться с \$30 за барр. в январе 2016 г. до \$50 в октябре, что «этого вполне хватило, чтобы перекрыть финансовые потери от снижения добычи» на 5%, а «достижение соглашения позволило нефти марки Brent уверенно закрепиться выше \$50» и потому «в целом же можно констатировать, что договоренность позволила рынку прибавить около \$10–15 по нефти марки Brent».

На самом деле, на рынке действуют фундаментальные причины, формирующие соотношение спроса и предложения, которые могут совпадать или не совпадать со словесными интервенциями. Так, в момент подготовки к продлению соглашения ОПЕК+ СМИ сообщили, что «резкий обвал начался в середине дня после того, как пресс-секретарь президента РФ Дм. Песков сообщил, что Россия по-прежнему не приняла решения – продлевать или нет сделку с ОПЕК». Спустя два часа глава Минэнерго Александр Новак поспешил заверить, что Россия «склоняется к продлению соглашения», но обвал котировок лишь усилился, а торги завершились у минимумов дня².

Что же произошло? По данным исследовательской компании Kpler, объем сырья в танкерах снижался с конца февраля. Однако в конце мая ситуация изменилась, запасы начали расти, несмотря на сокращение добычи ОПЕК и в странах, не входящих в картель, но поддержавших его с целью сокращения предложения на рынке нефти.

Трейдеры трезво оценили перспективы рынка и решили зафиксировать прибыли, начав распродажу: на рынок стала поступать нефть из запасов, которые были созданы за последние годы и хранились в танкерах³. Использовать такие «плавучие хранилища» выгодно, только если цена с отсрочкой поставки выше, чем при немедленной продаже, а возникающая разница покрывает стоимость фрахта.

¹ <http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/350319-opek-i-vse-vse-vse-chem-neftyanoy-kartel-napominaet-vinni-puha>

² <http://1prime.ru/articles/20170621/827593101.html>

³ Наибольший объем находится в плавучих хранилищах, расположенных в Северном море и Сингапуре – крупнейших центрах торговли углеводородным сырьем, а также в районе иранского острова Харк.

В результате, избыток предложения нефти на рынке сбил ее цену, но вера в силу «слухов и предположений» нисколько не ослабевает...

Саудовская Аравия: Отказ от внутренних и внешних обязательств?

В прошлом сокращение добычи ОПЕК приводило к соответствующему снижению экспорта. Однако в этот раз некоторые члены картеля продают нефть из хранилищ или сокращают внутреннее потребление, чтобы увеличить поставки за рубеж: у многих из них серьезные проблемы с наполнением доходной части бюджета. Как следствие, соглашение об ограничении добычи, которое ОПЕК и другие производители заключили в ноябре 2016 г. с целью устранить избыток предложения и повысить цены на нефть, во многом теряет смысл¹.

Экспорт ОПЕК сокращается медленнее добычи

Закономерно, что Саудовская Аравия, не только крупнейший в мире экспортер нефти и лидер ОПЕК, но и страна, которая в основном обеспечивает действие ОПЕК+ ценой потери собственной части рынка, предложила договориться об ограничении экспорта, а не добычи нефти. Кроме того, в соглашение нужно было бы включать те же Ливию и Нигерию, оговорив с ними максимальные уровни добычи. Рассчитывать на такой глобальный компромисс трудно, так же как и на более масштабное ограничение производства в рамках текущего соглашения.

¹ Подробнее, см.: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/09/13/733649-saudovskaya-pridumala-neft?utm_campaign

При этом чем выше цены на нефть, тем выше активность американских производителей сланцевой нефти. При ценах выше 50 долл., по оценке Rystad Energy, добыча в США будет расти на 1 млн барр. в сутки ежегодно вплоть до 2020-го, покрывая две трети всего нового спроса на нефть в мире (в среднем 1,5 млн барр. в сутки). Если же Саудовская Аравия будет придерживаться нефтяного пакта, ограничивая производство в рамках сделки с другими членами ОПЕК и Россией, то уже в 2018 г., согласно прогнозу американского Минэнерго, США будут добывать больше нефти, чем саудиты – 10,05 млн барр. в сутки. Чтобы остановить сланцевых производителей США, цены должны быть ниже уровня в 30–35 долл. за барр.

Оказавшись в тупиковой ситуации, власти Саудовской Аравии готовят радикальную смену курса экономической политики: предполагается отказаться от субсидий на бензин, сбалансировать свой бюджет и отказаться от части бюджетных обязательств, а тем самым и от попыток поднять цены на нефть, т.е. перестать бороться с рынком, сокращая добычу и теряя долю на мировом рынке в пользу поставщиков вне ОПЕК. Страна жила, надеясь переждать неблагоприятный период конъюнктуры и проедая валютные резервы. Однако их объем, по данным Aljazeera, за три года упал в 1,5 раза – с 737 млрд долл. в августе 2014 до 487 млрд в июле 2017.

Как сообщает Bloomberg со ссылкой на источники в Эр-Рияде, с 2018 г. Саудовская Аравия намерена прекратить практику субсидирования внутренних цен на топливо. Это позволит резко сократить расходы саудовского бюджета, который на 90% наполняется за счет нефтяных налогов и в прошлом году был сведен с дефицитом в 15% ВВП, три четверти которого, по оценкам МВФ, вызвано поддержкой низких цен на бензин². Поворот в экономической политике саудитов может привести к тому, что их бюджет сможет выдерживать более низкие цены на нефть. Следствием этого может стать новая ценовая война и формальный конец соглашения ОПЕК+.

² <http://www.finanz.ru/novosti/birzhevyye-tovary/saudovskaya-araviya-gotovitsya-k-novoy-neftyanoj-voyne-1002383119>

Бюллетень публикуется Отделом проблем европейской безопасности Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:

Академик В.Г. Барановский
Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин
Д-р полит. наук Д.В. Ефременко
Д-р полит. наук А.И. Никитин
Канд. истор. наук А.В. Загорский
Главный редактор – канд. истор. наук Т.Г. Пархалина
Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова

www адрес:

http://www.inion.ru/index.php?page_id=487

всего выпусков: 59 (на конец 2016)

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-2172